

Театр случайных действий

Кристина МАТВИЕНКО

В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ ПОЯВИЛСЯ УНИКАЛЬНЫЙ СПЕКТАКЛЬ «РАЗГОВОРЫ. КВАРТИРА» В ПОСТАНОВКЕ БОРИСА ПАВЛОВИЧА, СОЗДАННЫЙ ФОНДОМ «АЛЬМА МАТЕР» В ПАРТНЕРСТВЕ С ЦЕНТРОМ «АНТОН ТУТ РЯДОМ». ОН ОБЪЕДИНЯЕТ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ, ОБЫЧНЫХ И ОСОБЫХ, В ИГРЕ, ЗАТЕЯННОЙ ОБЭРИУТАМИ.

В

декабре 2017 года в бывшей коммунальной квартире, находящейся во дворе классического питерского дома на Мойке, развернулась настоящая мистерия. Профессиональные артисты и люди с расстройством аутистического спектра собрались здесь, чтобы перед приглашенными на тайный адрес зрителями сыграть в игру, затеянную обэриутами в начале века и получившую неожиданное развитие сегодня. Режиссерски затея собрать вместе – и в реальном, обжитом поколениями людей, месте – актеров и студентов Центра «Антон тут рядом», занимающимся социальной реабилитацией людей с аутизмом, обустроена Борисом Павловичем.

Фото: Маргарита Новоселова

Фото: Маргарита Новоселова

Режиссер Павлович – один из застрельщиков российского социального театра. Выучившись первоначально на театроведа, он перенес свой интерес к практикам Гротовского, равно как и к многому тому, что еще недавно относилось к области «паратеатральных форм», на свой режиссерский и педагогический метод. Руководство Кировским Театром «На Спасской» подарило ему сложный опыт одиночного плавания; в БДТ им. Товстоногова, куда его привлек Андрей Могучий, Павлович развернул лабораторию социальных практик, итогом которой стал спектакль «Язык птиц», участником прошлогодней «Золотой Маски». Словом, свой путь этот режиссер отстраивает, серьезно и с большим вниманием относясь к подопечным из нетеатральных сфер. Именно Борис Павлович ставит снова вопрос об актуальности театра как места для диалога с «другим», как бы сильно этот «другой» ни отличался от тебя самого.

Зрителей спектакля «Разговоры. Квартира» встречают мягкими, но настойчивыми инструкциями: нужно переобуться в тапочки, по возможности, воспользоваться туалетом (там интересно), стоит ходить по разным комнатам и не застревать в одном месте, нужно не забыть выполнить задание, напечатанное

на узенькой полоске бумаги. У квартиры есть своя, точно не подтвержденная источниками, но стойкая мифология: возможно, в 1920–1930-е здесь жил один из обэриутов. Даниил Хармс обитал на Надеждинской, Александр Введенский – на Съезжинской, философ Леонид Липавский – на Гатчинской. Время от времени они собирались вместе и устраивали коллективный «гон», максимально дикий и свободный. Возможно, кто-то жил на Мойке, 40, предполагают создатели «Квартиры». И делают все для того, чтобы заставить нас поверить в это.

Сама квартира, с дореволюционной печкой, лепниной на потолке и старым буфетом, наполнена самыми разными предметами: от детской лошадки-качалки до напольных весов и фотографий. Разглядывать их, брать в руки, слушать через «коммуникативную трубу» звуки комнаты или смотреть в калейдоскоп разрешается, и вообще это соприкосновение с предметами чужого обихода – один из аттракционов спектакля, позволяющий живо представить себе прошлых обитателей квартиры, их привычки и ритуалы.

В 2008 году нынешний худрук БДТ, режиссер Андрей Могучий нашел для своего фестиваля «ТПАМ» (Театральное пространство Андрея Могучего) квартиру на Петроградской и предложил нескольким драматургам и режиссерам сочинить эскизы спектаклей, оттолкнувшись от конкретного места, оживить призраков его прошлого в присутствии зрителя. О том чрезвычайно интересном опыте вспоминаешь не случайно: в «Разговорах» тоже предпринимается попытка реанимировать прошлое, как если бы петроградские духи 1920-х, уничтоженные репрессиями (из круга обэриутов выжил разве что Николай Заболоцкий), вер-

Фото: Маргарита Новоселова

Фото: Маргарита Новоселова

нулись в Петербург и снова поселились во дворе-колодце на Мойке.

В одной из уютных комнат квартиры девушка-актриса предлагает тебе погадать на книге Введенского: нужно встать на весы и назвать ей показанную цифру. На открывшейся странице – свидетельство о смерти поэта-обэриута, умершего на этапе между Харьковом и Казанью в 1941 году. И за философски-поэтическими сборищами обэриутов, которые происходили на квартире у Липавского в 1920-е годы, встает трагический финал, ожидавший почти каждого из них. Мрачная перспектива невольно напоминает о себе ежесекундно: и в стихах Хармса, которые предложено прочесть вслух вместе с одним из участников проекта, и в аттракционе со звонком девушки Маши, которая может решить все ваши проблемы по телефону, и в советских газетах, которыми обклеены стены. Исследование повседневного ужаса, спрятанного повсюду и не поддающегося нормальной логике, занимало Липавского. Ужас пополам со странного рода весельем и теплом человеческого участия – свойство и спектакля Павловича.

В самой середине путешествия по квартире, когда зритель достигает зыбкого баланса с окружающим его живым миром, Маша произносит вслух тезис Липавского о том, что театр должен быть частью человеческого праздника или просто семейной посиделки – только тогда он рождается естественно и только в этом качестве он имеет смысл. Именно это качество театра, судя по всему, интересует Павловича – и он исследует границу между бытовым и разыгранным, между логикой поэтов и логикой аутистов, между зрителями и просто заглянувшими в квартиру как на праздник.

Именно философские основы, на которых стояли обэриуты, сближают два опыта, отстоящих друг от друга во времени почти на век. Обэриуты предлагали отказ от обычной или общепринятой логики в работе с речью и языком, переименовая предметы и явления заново, разламывая привычный каркас понятий, потому что верили – только абсурд и бессмыслица передают существо жизни. ОБЭРИУ – объединение реального искусства, и слово «реальный» отражало существо дела. Стол может быть по-

Фото: Маргарита Новоселова

верхностью, на которую что-то кладут или ставят, но его можно перевернуть, и тогда он будет использоваться совсем по-другому. Или вообще не использоваться. Обэриуты обнуляли привычное зрение человека на мир, предлагая вещи этого мира назвать новыми именами.

Человек с аутизмом, вопреки семантике названия, разомкнут на мир и внимает ему куда больше, чем носитель обычного сознания. И эта внимательность или чуткость сочетается в аутисте с умением освобождать язык от формальной логики, направляя его в русло фантазии. Именно поэтому аттракцион с чтением стихов Хармса в одной из комнат «Квартиры» так впечатляет своей органичностью: отвечая на каждую строчку стихотворения, написанного обэриутом, парень с особенностями развития становится конгениальным Хармсу. А зритель включается в игру, где слово поэтическое приравнивается к слову, сочиненному и произнесенному не поэтом. Таким образом, поэзия обретает свое материальное звучание: логика обэриутов становится понятной, ведь точно так же мыслит и человек с аутизмом. Только первые до-

стигали этой способности специальными усилиями, а вторым это дано от природы.

Блуждая по квартире, становясь участником или свидетелем чьей-то игры, затеянной как бы в естественных условиях, без специального повода или повода, зритель «Разговоров» получает редкую возможность почувствовать, что такое театр случайных действий. И когда всех усаживают за вереницей поставленные столы, чтобы спеть песню про «звериков», исчезает последняя граница между театром и домашним весельем. Точно так же условна граница и между художником и просто человеком. Или же только человек с особенностями приближается к художнику ближе всех? Это вопросы, которые ставит проект «Разговоры. Квартира», и они не менее важны, чем вопросы социальной абилитации. В каком-то смысле внутри спектакля Бориса Павловича свою особенность чувствуют все – и детское очарование праздника, на который ты случайно и так счастливо попал, не отступает еще долго, уже когда чаепитие закончилось и печка погасла и когда в кармане нащупаешь бумажку с заданием: «Спросить, который час».

Random Acts Theatre

Kristina MATVIENKO

SAINT PETERSBURG BOASTS A UNIQUE PRODUCTION TITLED “CONVERSATIONS. APARTMENT” IN BORIS PAVLOVICH’S PRODUCTION, CREATED BY THE ALMA MATER FOUNDATION IN PARTNERSHIP WITH THE “ANTON’S RIGHT HERE” CENTRE. IT BRINGS TOGETHER ADULTS AND CHILDREN, BOTH REGULAR AND THOSE WITH SPECIAL NEEDS, IN A GAME CONCEIVED BY FOLLOWERS OF THE OBERIU MOVEMENT.

Photo by Margarita Novoselova

A true mystery play unfolded in December of 2017, in a former communal apartment located in the courtyard of a classical Saint Petersburg house on Moika. Professional artists and people with autism spectrum disorders played a game that was conceived by followers of the OBERIU movement in the early 20th century and today achieved an unexpected evolution. The idea to bring together actors and students of the “Anton’s Right Here” Centre that works on social rehabilitation for people with autism belongs to Boris Pavlovich.

Director Pavlovich is one of the pioneers of Russia’s social theatre. Having been trained first as a theatre historian, he transferred his interest for Grotowski’s practices to his directing and teaching method. Managing the Kirov Theatre on Spasskaya gave him the complex experience of solo sailing; at the Tovstonogov Bolshoi Drama Theatre, where he was drawn by artistic director Andrey Moguchy, Pavlovich set up a social practices workshop, which produced the play “Language of the Birds”. The director treats his non-theatre realm charges very seriously and with great care. Boris Pavlovich is the one who once again raises the issue of the relevance of theatre as a place for dialogue with the “other”, no matter how much that “other” differs from you.

The audience of the “Conversations. Apartment” production is greeted with soft but firm instructions: you need to change into slippers, use the restroom (it’s interesting in there), walk through the different rooms without getting stuck in one place, complete the task printed on a thin strip of paper. The apartment has its own mythology, steadfast despite not being definitively confirmed by sources: it’s

Photo by Margarita Novoselova

possible that one of the OBERIU followers lived here in the 1920 s – 1930 s. Daniil Kharms resided on Nadezhdinskaya Street, Alexander Vvedensky – on Syezzhinskaya, philosopher Leonid Lipavsky – on Gatchinskaya. From time to time they would get together. It is possible, the creators of the “Apartment” surmise, that one of them lived at Moika 40. And they do all they can to make you believe it.

The apartment itself, with its prerevolutionary stove, moulded ceiling and an old cupboard, is filled with the most miscellaneous items: from a children’s rocking horse to floor scales and photographs. Audience members are allowed to examine them, to pick them up, to listen to the sounds of the room through a “communication pipe”, or to look through a kaleidoscope; making contact with the items of someone else’s daily life is one of the production’s attractions, allowing audience members to vividly picture former residents of the apartment.

In 2008, Andrey Moguchy, current artistic director of the Bolshoi Drama Theatre, found an apartment on Petrogradskaya for his TPAM (Andrey Moguchy’s Theatre Space) Festival and offered several playwrights and directors to create production drafts basing off a specific place, to revive the ghosts of the past. There’s a reason that incredibly interesting experiment comes to mind: “Conversations” likewise makes an attempt to reanimate the past, as if the Petrograd spirits of the 1920 s, destroyed by political persecutions, were to return to St. Petersburg.

In one of the cozy rooms of the apartment a young actress offers to tell your fortune on Vvedensky’s book: you need to get on the scales and tell her the number shown. The opened page shows the death certificate of the OBERIU poet, who died during prisoner transport between Kharkov and Kazan in 1941. And behind all the OBERIU followers philosophical poetry get-togethers that took place in Lipavsky’s apartment in the 1920 s rises a tragic finale that awaited nearly every one of them. Lipavsky was interested in researching everyday horrors, hidden everywhere and defying the laws of normal logic. A mixture of horror with an odd kind of merriment and the warmth of human involvement is also a characteristic of Pavlovich’s production.

In the middle of the journey through the apartment, when audience members

Photo by Margarita Novoselova

reach a fragile balance with the surrounding living world, they hear Lipavsky’s thesis about theatre needing to be part of human celebration – only then does it originate naturally and only in that capacity does it have meaning. It is that capacity of theatre that, apparently, interests Pavlovich as well, and he researches the boundary between the everyday things and those acted out, between the logic of poets and the logic of autistic people, between audience members and people who simply dropped in at the apartment as if attending a celebration.

It is that philosophical framework that the OBERIU followers were governed by that brings together two experiences separated from each other by nearly a century. The OBERIU followers proposed to abandon regular or established logic in working with speech and language, renaming objects and phenomena, because they believed that only the absurd and the nonsensical can convey the essence of life. A table can be a surface to put or stand something on, but it can be turned over and then it would be used very differently. The OBERIU followers reduced to zero man’s traditional worldview, proposing to give the objects of this world new names.

A person suffering from autism, despite the semantics of the term, is unlocked to the world and heeds it much more than a person with regular awareness. And that attentiveness or sensitivity in an autistic person goes together with the ability to free the language from formal logic, directing it into the course of fantasy. This is why the feature with the reading of Kharms’s poems in one of the rooms of the “Apartment” is so impressive with its seamless quality: a young man with a developmental disorder responds to every line of the poem, written by the OBERIU follower, and becomes kindred to Kharms. And audience members join a game where poetic word is equated with a word created and uttered by a non-poet. Thus, poetry acquires its own material sound: the logic of the OBERIU followers becomes comprehensible, for this is how an autistic person reasons as well. Only the former reached that ability through special effort, while for the latter it’s their natural gift.

In wandering through the apartment and becoming participants or witnesses to someone’s performance, “Conversations” spectators get a unique opportunity to

experience random acts theatre. And when they are all seated at a line of tables to sing a song about “beasties”, the final boundary between theatre and homestyle festivities disappears. In some sense, everyone feels their uniqueness within Boris Pavlovich’s production – and the childlike wonder at a celebration you accidentally and happily stumbled upon stays with you for a long while after, even when the tea party has long since ended and the fire in the stove went dark.